

**Зинаида Севастьяновна Шустова:
«Я больна сорок первым годом»**

*Ленинградка душой и родом,
Я больна Сорок первым годом.
Пискаревка во мне живёт.
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идёт.*

Война не пощадила никого, она обрушилась на детей так же, как на взрослых, – бомбами, голодом, холодом. В жестокой слепоте своей она соединила несоединимое: дети, кровь, смерть... И когда сегодня звучат слова: «Ленинградские дети» – у каждого из нас сжимается сердце. «Ленинградские дети» – это холод, голод, слёзы, стоны. «Ленинградские дети» – это крики, бомбёжки, разруха, смерть...

Зинаиде Севастьяновне Шустовой, ныне инвалиду по зрению Кировской РО ВОС, во время войны приют дала Кировская область. Город на Вятке стал для неё, как и для тысяч ленинградских детей, второй родиной. Почти двадцать лет ленинградка работает группоргом в Кировской городской местной организации ВОС, даря тепло души своим подопечным, помогая инвалидам, лишившимся зрения, справиться с недугом и унынием, смело взглянуть в глаза новой жизни, заставив найти в себе силы жить дальше. Она согласилась поделиться горькими воспоминаниями о своём детстве, опалённом войной...

«Когда началась война, мне не было и десяти. До войны мы жили в Выборге, под Ленинградом. Мой отец погиб в первые месяцы войны, а мать

вскоре умерла от горя. Меня с трёхлетним братом Мишей забрали в детдом. За несколько дней до блокады нас эвакуировали. На перроне царил хаос. Без умолку гремела канонада. От страха в голос плакали малыши. Наконец эшелон тронулся в путь. Неожиданно мы остановились посреди поля. Паровоз давал короткие частые гудки, что означало «воздушную тревогу». И точно: в небе появились фашистские самолёты с крестами. Взрослые и дети постарше выпрыгивали из вагонов на песок насыпи и разбегались в стороны, падали в траву, матери своими телами прикрывали малышей. Под треск пулемётов я тоже упала на землю, сжалась в комочек, обхватив голову руками. Это был настоящий ад. Самолёты несколько раз пикировали на наш состав, а потом скрылись за горизонтом. Паровоз длинными гудками оповестил об отбое воздушной тревоги. Вагон с убитыми отцепили, и эшелон продолжил путь. В крышах и стенах товарных вагонов зияли пулевые пробоины.

В этот же день нам пришлось пережить ещё один налёт. Это я сегодня понимаю, что пилотам-убийцам в прицел было видно, что бегут не солдаты, а дети, но они спокойно и точно бомбили нас, расстреливали метавшихся в страхе мальчишек и девчонок, чьи крики и плач глохли в рёве «юнкерсов», и детской кровью обагрялись земля и кусты. При этом налёте я потеряла брата, который был в малышовой группе.

Сколько дней нас везли, я не помню. Остановок или не было совсем, или были неожиданными и продолжительными. Мы часто подолгу стояли на полустанках, пропуская на фронт эшелоны с войсками и боевой техникой. На какой-то станции поезд остановился и нам сообщили: «Приехали. Выгружайся!» Нас распределили по детским домам, погрузили на повозки и повезли. Я попала в 162 детский дом в село Георгиево, что в Бисеровском районе Кировской области (ныне Афанасьевский). Двухэтажный деревянный дом на высоком крутом берегу реки Камы понравился. Вместе с 200 ленинградскими детьми и вятскими сиротами мне предстояло в нём жить.

Сколько пришлось вынести трудностей – не пересказать. Детдом был переполнен. Спали по два человека на кровати. Жутко голодали. Хлеба давали по 50 грамм, позднее паёк увеличили до 100 грамм. Мы были настоящими дистрофиками – кожа да кости, падали в голодные обмороки, некоторые умирали. Еда в то время была дороже золота. Все были одержимы одним желанием – утолить голод, хотя бы корочку сухую откусить и с наслаждением её пожевать...

С воспитателями мы ходили в лес за лапками елей и пихты, мололи их, добавляли туда перетёртую солому, немного муки и варили похлёбку. Голод – не тётка, ели всё, чтобы выжить. Весной, когда таял снег, ходили на колхозные поля, палками и лопатами выкапывали и собирали мёрзлую картошку, отдавали её повару, а она пекла и варила её. Мы часто ходили по округе с концертами, когда с воспитателями, когда с директором. После концерта нас угощали хлебом и молоком, давали картошку, которую мы несли тоже в детский дом.

Приходилось и милостыню просить – не без этого. Ходили собирать по деревням группами. Не припомню, чтобы кто-то из местных обидел детдомовцев, наоборот, нас очень жалели. Селяне были хлебосольными, жили

неплохо, видимо, у них были запасы муки, поэтому они не гнали детей от ворот, подавали где-то кусок хлеба, где-то каравай, где-то стакан молока. Это немисливо, но по законам детдомовского братства никто не ел в одиночку – всё отдавалось в общий котёл. Вот такие тогда были дети...

В детдоме было полное хозяйство: лошади, корова, телята, поросята. Девочки доили коров, мальчишки с удовольствием ухаживали за лошадьми, водили их на водопой. Среди наших любимых занятий была посадка картошки под плуг, за который вставали воспитатели. Это ответственное дело доверяли старшекласникам. А вот копали картошку вручную, и тогда работы хватало всем. Косили траву маленькими литовками. Помогали отбивать косы деревенские старички. Метали сено в стога мы тоже с воспитателями. Помогали и колхозу: пололи сорняки на колхозных посевах ржи, овса, пшеницы, осенью круглосуточно работали на току, отгребая солому и зерно. Чтобы заглушить голод, грызли сухое зерно. Помню, как теребили шерсть, пряли и вязали варежки и носки для солдат, хотя сами ходили в лаптях, часто обмораживались, так как портянки не спасали от мороза.

Конечно, нас манила река Кама. Однажды я чуть не утонула, но, на моё счастье, с нами был воспитатель, бывший зек, он и спас меня. В наказание отпускать на реку нас не стали, но мы всё равно сбегали, купались, загорали. А весной все ждали ледохода. С высокого берега любовались красивым зрелищем, когда лёд трогался, когда течение угрожающе величаво и неудержимо гнало громадные льдины, когда с хрустальным звоном они сталкивались одна с другой, переворачивались, унося на себе всё, что было на них до этого торжества природы.

Должна сказать, что колодцев в детдоме не было, не говоря о водопроводе. Воду для всех нужд, в том числе и для питья, брали из источника или из реки. Носили её на себе в вёдрах: мальчишки в руках, а девчонки на коромыслах, которые делали на уроках труда. Летом её черпали вёдрами с мостков, а зимой – из прорубей. Для этого рано утром по реке шёл наш сторож с пешней и очищал проруби от намёрзшего льда.

В баню мы ходили в сельскую, носили туда воду и дрова. У меня были две тугие косы до пояса, которые я промывала щёлоком. Увижу сейчас девчонку с косами – люблюсь. А меня за такие косы тоже гладили по голове. Объявилась даже пожилая пара, пожелавшая меня удочерить. Глава семьи работал портным в детдоме, у них был взрослый сын, живший отдельно. Он тоже был не против удочерения. Я с подругами часто ходила к ним в гости, но с удочерением что-то не получилось.

Десять лет назад меня вдруг потянуло в село Георгиево. Столько эмоций пережила. Обошла три деревни, но не встретила никого из знакомых. В селе школы уже нет, только детский сад... Я стояла на месте школы и в памяти всплывали только светлые воспоминания о детдомовской дружбе, которая с годами не угасла. Я поняла, как много хороших, добрых людей заботились о нас, не бросив в беде. Хорошо помню директора детдома Марию Павловну Портнову, которая всю себя отдавала детям; благодаря её заботе и любви к детям мы выжили в ту войну.

После войны многие воспитанники детдома вернулись в Ленинград. Мне возвращаться было некуда. Окончив семилетку, я два года работала воспитателем на младшей группе детдома, затем отправилась в Киров на курсы вожатых. Поработала вожатой недолго: в одном из походов по реке Каме простудилась и заболела туберкулёзом лёгких. Долго лечилась в стационаре. О возвращении в детдом и речи не было: врачи были против. Меня устроили воспитателем в Талицкий санаторий. Я успешно окончила Омутнинский педагогический техникум, долгие годы преподавала математику и природоведение. Свою профессию я обожала. Сегодня мне горько осознавать, что через 70 лет, в XXI веке, война снова стучится в наши двери...»

Добавлю, что за плечами Зинаиды Севастьяновны Шустовой годы безупречного педагогического труда в школах города Кирова. Она награждена знаком «Отличник народного просвещения», многочисленными Почётными грамотами разного достоинства – от Министерства образования СССР до грамот облоно.

Надо сказать, что и своим многолетним служением незрячим она доказывает, что группом нельзя работать без доброты и милосердия. Именно этими качествами она щедро наделена и сумела создать в своей группе атмосферу доверия и тепла. Пожелаем ей счастья, здоровья и терпения!

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*